

№ I, 4, 17, 19

XXI-2-14 № 14
папка А

88/97

ГРОДНА.

(Изъ путевыхъ наблюдений во время поѣздки по западной Россіи)

И перевороты въ природѣ со временъ геологической древности, и многократныя историческія бури происходили въ мѣстности нынѣшняго губернскаго города Гродны и оставили глубокіе слѣды, будящіе собою и современную жизнь этой страны. Вся мѣстность кругомъ небольшой, немного выпуклой срединной части города перехвачена холмами, изрѣзана долинами, оврагами. Величественный Нѣманъ катитъ тутъ свои волны, точно сжатый громадными стѣнами, — многосаженными крутыми берегами. Но эта страшная ложбина, въ которую онъ теперь втиснуть, — его собственная исполнская работа, заставляющая переноситься воображеніемъ въ ту глубочайшую древность, когда выше Гродны (по теченію Нѣмана) была все сплошная вода, и только у нынѣшней Гродны струилась и углубляла себѣ ложе рѣчка — нынѣшній Нѣманъ. И не онъ одинъ здѣсь совершалъ такую огромную работу. Даже ничтожная теперь рѣчка Городничанка, перерѣзывающая городъ ближе къ русской его окраинѣ, вырыла себѣ, пробиваясь къ Нѣману, глубокій оврагъ, по скатамъ котораго живописно теперь расположены домики, лачуги, садики. И Нѣманъ и рѣчка Городничанка и теперь продолжаютъ свою работу и, какъ сейчасъ увидимъ, весьма пагубно для знаменитѣйшихъ остатковъ русской древности.

Живы тутъ и будутъ жизнь современныхъ разнородныхъ обитателей Гродны и многочисленные слѣды историческихъ переворотовъ.

Русскій человѣкъ, откуда бы онъ не былъ, съ благоговѣніемъ и сердечною скорбію остановится на загородномъ обрывѣ у Нѣмана и Городничанки передъ печальными остатками Коложанскаго Борисо-Глѣбскаго храма, — этого древнѣйшаго здѣсь и драгоцѣннѣйшаго па-

мятника не только русскаго православія, но и ясности нашего стараго государственнаго русскаго ума и смѣлаго порыва русской доблести. Онъ при этомъ, можетъ быть, вспомнить и знаменитаго Гедиминова сподвижника, русскаго городненскаго князя Давида, поражавшаго поляковъ и нѣмцевъ даже въ ихъ собственныхъ гнѣздахъ.

Мѣстный, простой житель — бѣлоруссъ или малороссъ, посѣщая городъ Гродну или плывя по окраинѣ ея по Нѣману на плоту, съ недоумѣніемъ слышитъ, что этотъ городъ называютъ не такъ, какъ онъ называетъ испоконъ вѣковъ и донинѣ, не Городня, а Гродно, и если этотъ мѣстный житель грамотенъ и смыслить кое-что въ грамматикѣ, то недоумѣніе его еще усилится, потому что онъ узнаетъ, что порча древняго названія этого города пошла дальше, что слово Гродно перестали склонять даже русскіе люди и говорятъ и пишутъ: изъ Гродно, до Гродно и т. п., а если онъ человѣкъ бывалый, то вспомнить, что и другой древній западно-русскій городъ, до сихъ поръ называемый народомъ по старинному— Вильня, Вильна, тоже называютъ въ позднѣйшей формѣ—Вильно и тоже перестаютъ склонять по своему русскіе люди даже въ официальной средѣ, точно во всеобщее свидѣтельство ослабленія русскаго вліянія въ странѣ; вспомнить онъ, что и городъ гродненской губерніи, называемый народомъ до сихъ поръ по старинному Берестье, называютъ давно уже Брестъ, по соотвѣтствію съ польскимъ городомъ—Брестъ у Варшавы, и для отличія отъ него прибавили странно теперь тамъ звучащее прилагательное—Литовскій; вспомнить, что порча старыхъ русскихъ названій проникла уже и въ глухія мѣста, что въ той же губерніи сокольскаго уѣзда двѣ Берестовицы—Малая и Великая переименованы въ Бжестовицы или Бжостовцы, что Дятлово слонимскаго уѣзда передѣлано на польскій ладъ—Дзенціоль или Дзенціоловцы, а Пески—въ Пяски; что вездѣ почти уже уничтожены муравьевскія заботы возстановить въ западной Россіи старыя русскія географическія названія и возстановляются опять польскія названія даже въ бумагахъ и книгахъ официальнаго происхожденія. Но если бы я былъ подлѣ этого мѣстнаго жителя—бѣлорусса или малоросса въ такія минуты его раздумья, то сказалъ бы ему, пусть онъ не унываетъ отъ этого временнаго зла, и пусть хранить свои древнія названія, какъ святой завѣтъ его старины, и вѣрить, что когда стануть ясны и ясны освѣщаться свѣтомъ русскаго самосознанія сердца его дѣтей, внуковъ, воскреснутъ вездѣ и эти дорогія, древнія лѣтописныя названія его мѣстностей, столь вѣрно хранимыя въ народной средѣ.

Литвины, почти уже совсѣмъ вымирающіе въ этой губерніи, безъ сомнѣнія, знаютъ, что имъ дорогъ по историческимъ воспоминаніямъ другой обрывъ у Нѣмана, отдѣляемый отъ Коложанскаго обрыва оврагомъ, по дну котораго течетъ Городничанка. На этомъ другомъ обрывѣ былъ замокъ знаменитаго Витовта и основаніе его, говорятъ, и теперь существуетъ въ новомъ зданіи военнаго вѣдомства. А нѣкоторые изъ этихъ литвиновъ, можетъ быть, кромѣ того еще читали или слышали, что здѣсь проводилъ лучшіе годы своей юности литовскій князь Казиміръ Ягайловичъ, тѣ годы, когда онъ страстно любилъ Литву и не хотѣлъ знать Польши.

Мѣстный полякъ, конечно, считаетъ нужнымъ присвоить и себѣ этотъ обрывъ не только изъ-за Витовта или Казиміра, отдавнагося въ старости полякамъ и ксендзамъ ихъ, но и изъ-за другихъ событій, и льстящихъ его самолюбію и поражающихъ скорбію его сердце. Тутъ бывали и частыя резиденціи многихъ польскихъ королей и шумные польскіе сеймы, но тутъ былъ и рѣшительный *finis Poloniae*—отреченіе отъ престола послѣдняго польскаго короля Станислава Августа. Поляку, впрочемъ, можно еще разнообразить свои воспоминанія другими мѣстами Гродны, переноситься то къ мрачнымъ временамъ ультрамонтанства, особенно іезуитства, при видѣ мѣстныхъ латинскихъ ихъ монастырей и храмовъ, то услаждаться видомъ еще оставшихся каменницъ (палатъ) многихъ знатныхъ пановъ и даже мечтать объ особенномъ увѣковѣченіи памяти одного изъ нихъ, Тизенгаузена, постановкой (неудавшейся пока) его статуи въ какой то нишѣ или часовнѣ бывшаго іезуитскаго костела.

Мѣстные нѣмцы, хотя ихъ здѣсь очень не много, безъ сомнѣнія, съ гордостію вспоминаютъ многочисленныя нападенія на Гродну ихъ предковъ—пруссскихъ рыцарей и съ радостію, а можетъ быть, и съ модными нынѣ у нѣмцевъ излишними упованіями, обращаютъ свои взоры поужнѣе отъ Гродны, къ бывшей Бѣлостокской области, которая находилась нѣкоторое время подъ властію Пруссіи и въ которой осталось не мало нѣмецкихъ колоній, а одна изъ нихъ утвердилась и страшно разрослась у самыхъ стѣнъ и даже въ стѣнахъ нѣкогда весьма пустыннаго, но весьма жизненнаго нравственною силою Супрасльскаго монастыря.

Мѣстные жидаы, безъ сомнѣнія, съ великимъ негодованіемъ услышали бы, что и они, какъ поляки и нѣмцы, не составляютъ кореннаго и исторически-жизненнаго населенія страны, и заявили бы недоумѣніе: какъ это можно говорить такъ объ нихъ, когда они тамъ такъ многочисленны (гораздо больше половины населенія Гродны: изъ 50 тысячъ об-

чаго числа жидаы составляютъ около 28 тысячъ), такъ энергично теперь отстраиваются послѣ недавняго пожара и даже надѣются быть еще сильнѣе, потому что едва ли не большая часть русскихъ домовладѣльцевъ Гродны, раззоренныхъ этимъ пожаромъ, не только не могутъ отстроиться, но и передаетъ жидамъ свои участки.

Новый русскій интеллигентъ, прїѣзжающій служить въ Гродну чаще всего съ тѣмъ невѣднїемъ исторїи и современнаго склада жизни страны, которое теперь составляетъ какую-то моду, и считающій неумѣстнымъ поучиться хоть нѣсколько у тамошнихъ старожилонъ, попадаетъ, какъ въ омутъ, въ среду этихъ разныхъ народностей и ихъ стремленїй, недоумѣваетъ, какъ ему дѣйствовать, находитъ самымъ лучшимъ быть просто дѣловымъ, называетъ старыхъ русскихъ, носящихся съ какими-то идеями, непрактическими идеалистами и, совершенно незамѣтно и несознательно, оказывается въ области польскихъ, жидовскихъ, нѣмецкихъ интересовъ. Но если у него сохранилось въ глубинѣ души русское чутье, то раньше или позже онъ сознаетъ ложность своего положенїя, поражается русскою запущенностїю Гродны, самъ охватывается волною русскихъ стремленїй, самъ кидается въ область непрактическихъ идей, осуждаетъ, разумѣется, прежде всего православное духовенство и строчитъ по дѣламъ чужого вѣдомства проектъ учрежденїя въ Гроднѣ особой, самостоятельной православной епархїи, — проектъ важный для гродненской губернїи независимо отъ званїя его автора и возможный въ томъ будущемъ, когда въ Вильнѣ будетъ русская митрополїа въ старомъ церковномъ значенїи и когда послѣдуютъ нѣкоторыя другїя перемѣны, но теперь — гибельный для литовской епархїи, потому что она сильна только гродненской губернїей и безъ нея повержена была бы въ совершенное оскудѣнїе и уничтоженїе.

Когда я прїѣхалъ въ Гродну, то первый мой выѣздъ изъ гостиницы былъ въ тамошнюю древнѣйшую русскую мѣстность, на которую я уже указывалъ и которая находится на сѣверозападной окраинѣ этого города. Это такъ называемая Коложа, гдѣ у самаго края высокаго обрыва при впаденїи Городничанки въ Нѣманъ, противъ бывшаго Витовтова замка, расположеннаго на другомъ такомъ же обрывѣ, стоятъ развалины Борисо-Глѣбской церкви. Какое величїе древности и какое запустѣнїе въ настоящее время! Осталась только половина стѣнъ церкви, именно: вся сѣверная сторона, большая часть восточной, алтарной и небольшая часть западной стѣны, да еще двѣ круглыхъ колонны по срединѣ церкви,

а вся южная сторона, часть восточной и часть западной—рухнули въ Нѣманъ. Стѣны снаружи, какъ и въ другихъ древнихъ церквяхъ, не были оштукатурены. Внизу стѣвъ попадаются большіе камни, прочнѣйшимъ образомъ облитые кафельной полировкой. Кирпичи малые, удивительно правильной формы и прекрасной правильной кладки. Архитектурный рисунокъ трехъ алтарныхъ абсидъ (полуружій) для престольнаго мѣста, жертвенника и діаконика, рисунокъ оставшихся въ церкви колоннъ, и выполненіе этого рисунка поражаютъ такимъ совершенствомъ, что этому могли бы позавидовать и многіе нынѣшніе архитекторы и мастера, и это тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, если посмотрѣть на верхнія части стѣвъ, гдѣ видна уже новѣйшая кладка.

Съ подобнымъ же совершенствомъ и прочностію сдѣланы по мѣстамъ на наружныхъ стѣнахъ четырехъконечные, съ закругленными разноцвѣтными концами, кафельные кресты. Внутри церкви въ стѣнахъ размѣщены, такъ называемые, голосники, т. е. вдѣланные горизонтально горшки, а ниже ихъ, въ оставшейся сѣверной стѣнѣ—выемки, такъ называемыя, мѣста, и такъ какъ они очень ужъ не высоки, то нужно думать, что полъ церкви лежалъ гораздо ниже, чѣмъ теперь.

Развалины эти и давно и не разъ уже были описываемы; но мы думаемъ, что необходимо еще новое изслѣдованіе, потому, между прочимъ, что въ ихъ особенностяхъ—до сихъ поръ лучшее и прочнѣйшее доказательство глубокой древности этой церкви, относимой къ XII вѣку. Всѣ записанныя преданія и соображенія на основаніи лѣтописей, приурочивающія строеніе этой церкви къ волынскимъ князьямъ Борису и Глѣбу Всеволодовичамъ, не выдерживаютъ строгой исторической критики. Единственное, болѣе твердое историческое основаніе, что церковь эта построена въ XII в.—это показаніе ипатьевской лѣтописи, что въ 1183 г. «Городень погорѣ весь (весь), и церкы (т. е. церковь, а не церкви, какъ прежде читали) каменная отъ блистанія молинѣ и шибения грома»¹⁾, и то еще нужно доказать, что здѣсь не разумѣется волынскій Городень и что тамъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ древней каменной церкви. Затѣмъ, имѣетъ значеніе записанное уніатскимъ писателемъ Кульчинскимъ преданіе, связывающее строеніе этой церкви съ св. Евфросиніею полоцкой, съ полоцкой (древней) Софійской церковью, что вѣрнѣе относитъ къ Спасской церкви полоцкаго Евфросиніевскаго монастыря, съ которой Коложанская церковь имѣетъ архитектурное сходство и

¹⁾ Ипатьевская лѣт. изд. 1871 г., стр. 428.

невольно заставляет думать, что ее строили не русские мастера, а византийские или итальянские.

Далее есть известие в летописях, объясняющее происхождение названия гродненской Борисо-Глѣбской церкви—Коложей, известие о томъ, что въ 1409 г. Витовтъ напалъ на Псковскую область и изъ Псковскіи Коложи плѣнилъ 11 тысячъ жителей, которыхъ, говорить преданіе, поселилъ у Гродны и которые, безъ сомнѣнія, и были главными охранителями этой русской православной древности. Но полного, яснаго и точнаго известія о Коложанской Борисо-Глѣбской церкви нѣтъ до восьмидесятыхъ годовъ XV столѣтія, когда тутъ несомнѣнно былъ уже монастырь и становятся известными и рядъ его игуменовъ и судьбы монастыря.

Мы не будемъ здѣсь входить въ длинный разборъ достовѣрной исторіи этого храма. Важнѣйшія данныя ея сведены недавно въ статью г. Дикова, помѣщенной въ памятной книжкѣ гродненской губерніи за настоящій 1887 годъ. Мы остановимся только на нѣсколькихъ пунктахъ этой исторіи, требующихъ нѣкоторыхъ поправокъ и весьма важныхъ дополненій изъ исторіи позднѣйшей судьбы этого храма, очевидно, не вполне известной этому почтенному автору, вѣроятно, потому, что болѣе полное дѣло объ этомъ находится въ Вильнѣ, гдѣ мы его и изучали на возвратномъ пути въ Петербургъ, а въ Петербургѣ еще и униатскую опись этой церкви отъ 1818 г.

Первое, документальное известіе о существованіи Борисо-Глѣбской церкви и безъ всякаго упоминанія о разрушеніи ея верха и потолка относится къ 1480 г., когда игуменомъ монастыря при этой церкви былъ Каллистъ, и сохранились нѣкоторыя дарственные записи на этотъ монастырь, получившій затѣмъ, въ 1500 г., отъ литовскаго князя Александра Казиміровича, по ходатайству жены его Елены (дочери великаго московскаго князя Іоанна III), садъ, прилегающій къ Нѣману. Слѣдовательно, тогда было значительное разстояніе между церковью и Нѣманомъ, которое и теперь видно, если смотрѣть на старое русло этой рѣки. Но въ трехъ документахъ отъ 1506 г. уже много разъ говорится, что эта церковь «опустѣла и опала»; «отъ давнихъ часовъ (временъ) опустошивши (опустѣвши) стояла»; «отъ колькодесять лѣтъ опустѣвши стояла и хвалы Божіе (богослуженія) въ ней не было» ¹⁾.

Къ этому-то періоду времени, именно, ко времени игумена Арсенія (съ 1492 г.), упомянутый уже нами униатскій писатель Кульчин-

¹⁾ Археограф. сборн., т. IX, стр. 416—420.

скій и приурочиваетъ преданіе, что войска Іоанна III разрушили верхъ Борисо-Глѣбской церкви, засыпали ее землей и, поставивъ тамъ пушки, громили городскую крѣпость, находившуюся на извѣстномъ уже намъ другомъ обрывѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ, по этому извѣстію, выходитъ, что старая Москва—первая привела въ запустѣніе эту древнѣйшую въ той странѣ церковь, а по извѣстію монастырской хроники, составленной уже по документамъ тѣмъ же Кульчинскимъ, она же, т. е. старая Москва, и повторила это во времена Алексѣя Михайловича ²⁾. Такъ ли все это было или иначе, теперь нельзя рѣшить. Вѣроятно же всего, что московскія войска Іоанна III пользовались уже готовыми развалинами, или прежними опытами татаръ и нѣмцевъ, и для такого предположенія есть основаніе въ документахъ, потому что о дѣлахъ, близкихъ къ 1492 году или послѣ него, документы 1506 г. едва ли выражались бы, что Борисо-Глѣбская церковь запустѣла много лѣтъ тому назадъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ.

Много приложили старанія, и тоже не разъ, къ запустѣнію этой древности и мѣстные русскіе и раньше и послѣ вторичнаго московскаго запустошенія, не только свѣтскіе епитимы Коложанскаго монастыря, православные и не православные, но и духовныя власти, и униатскія отъ митрополитовъ до коложанскихъ игуменовъ, и даже православныя во времена воссоединенія западно-русскихъ униатовъ, когда и Борисо-Глѣбская церковь, кое-какъ подправленная (въ 1836 г.), возвратилась въ православіе и тамъ былъ возстановленъ православный монастырь, въ которомъ жилъ покойный Игнатій Желѣзовскій, сперва архимандритъ, а потомъ викарный литовской епархіи.

Небреженіе православныхъ и униатовъ старыхъ временъ описано въ монастырской хроникѣ Кульчинскаго до 1740 г. и извлеченія изъ нея помѣщены у г. Дикова. Мы здѣсь кратко опишемъ небреженіе новыхъ временъ, до сихъ поръ не извѣстное въ печати, такъ что теперь хотя нѣсколько сократится позднѣйшій столѣтній періодъ неизвѣстности, что было въ это время съ Коложанской церковью. Здѣсь намъ придется излагать нѣкоторые изумительные факты, въ которыхъ опять сошлись и восточная и западная Россія, но еще на большую пагубу Борисо-Глѣбской древности. Около 1839 г. и долго спустя послѣ, Борисо-Глѣбская монастырская церковь была един-

¹⁾ Тамъ же, стр. 416.

²⁾ Тамъ же, стр. 440.

ственная въ Гроднѣ церковь, въ которой могло совершаться православное богослуженіе надлежащимъ образомъ собственными силами. Въ городѣ былъ женскій монастырь, но не имѣлъ священника; была еще тюремная церковь, но тоже безъ священника. Въ обѣ эти церкви нужно было посылать изъ Борисо-Глѣбскаго монастыря не только монаховъ для совершенія службы, но и послушниковъ для чтенія и пѣнія. Монаховъ было больше двухъ и было кому служить и въ монастырѣ, но послушниковъ не доставало для службы въ трехъ церквахъ, и потому въ монастырѣ могли начинать службу только тогда, когда возвратятся послушники изъ города. Это представляло крайнее затрудненіе, которое еще увеличивалось отъ того, что очень трудно было путешествовать въ городъ изъ монастыря. Прямо черезъ оврагъ Городничанки рѣдко когда можно было пробираться, а въ обходъ, черезъ мостъ было очень далеко. Въ монастырѣ стала болѣе и болѣе утверждаться мысль, что лучше совсѣмъ перебраться въ городъ, именно, въ женскій монастырь, а инокинь женскаго монастыря перевести въ упраздненный латинскій монастырь. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ и при такихъ взглядахъ, не было надлежащей заботливости объ охранѣ Борисо-Глѣбской церкви отъ разрушительныхъ стихій ¹⁾ а стихіи эти сильно работали. Нѣманъ въ весеннее время сильнѣе и сильнѣе поворачивалъ отъ стараго своего русла поближе къ коложанскому берегу, подмывалъ и обваливалъ его съ южной стороны церкви, а Городничанка помогала ему на юго-восточной сторонѣ. Къ вѣщней бѣдѣ еще и самъ монастырь помогалъ этой разрушительной работѣ. Съ его двора снѣговая вода тоже направлялась въ Нѣманъ близъ западной стороны церкви. Уже въ 1840 г. обозначились трещины въ стѣнахъ церкви, на которыя, однако, не вдругъ обращено было вниманіе, и только въ началѣ февраля 1842 г. архимандритъ Игнатій, извѣстный, замѣтимъ, великою ревностію къ церковности, доносилъ, что церковь находится въ опасномъ положеніи, которое постоянно увеличивается, и просилъ о перемѣщеніи братіи въ дѣвичій монастырь. Мѣстная власть на эту просьбу не согласилась, и дѣло стало затягиваться. Но на коложанскую древность обратилъ вниманіе императоръ Николай I,

¹⁾ Справедливость, однако, требуетъ сказать, что архимандритъ Игнатій принималъ нѣкоторыя мѣры,—засаживалъ берегъ Нѣмана деревьями, и можно думать, что отъ того именно времени сохранились стоящія и теперь у обрыва большія деревья, или одно дерево—не припомню.

отличавшийся, какъ извѣстно, поразительною чуткостію къ старинѣ. Поднялось дѣло. Св. Синодъ отпустилъ на охраненіе Борисо-Глѣбской церкви отъ Нѣмана 1,026 р. Министерство путей сообщенія между тѣмъ потребовало смѣту на укрѣпленіе берега, каковая и была составлена къ концу 1844 г. на сумму 8,067 р. 7 к. Но покамѣстъ дѣло это тянулось, Нѣманъ и Городничанка работали съ прежней силой и въ слѣдующемъ 1845 г. послѣдоваль обвалъ берега у самой церкви, которая и была тогда же закрыта и въ дѣло объ ней по рѣшенію Св. Синода отъ 30 ноября 1846 г. «разсмотрѣніемъ отложено впредь до полученія окончательныхъ распоряженій о передачѣ въ духовное вѣдомство одного изъ гродненскихъ заштатныхъ римско-католическихъ монастырей». Отсрочка продолжалась долго; подошло время крымской войны, и тогда какъ бы за одно съ русскими сердцами дрогнули и древнія стѣны Коложанской Борисо-Глѣбской церкви. Съ 1 на 2 апрѣля 1853 г. половина этой церкви рухнула въ Нѣманъ.

Вотъ какъ описывалъ эту катастрофу Игнатій, тогда уже викарій, въ своемъ донесеніи отъ 3 апрѣля этого года.

Въ минувшую осень, а больше еще въ февралѣ мѣсяцъ настоящаго года, вслѣдствіе бывшей въ то время продолжительной сырой погоды, обрывъ горы уже при самомъ фундаментѣ церкви сдѣлался еще болѣе и увеличившіяся отъ того трещины въ стѣнахъ, южной со стороны рѣки и въ западной, угрожали неминуемымъ этимъ стѣнъ паденіемъ, которое и дѣйствительно послѣдовало ночью съ 1 на 2 число сего апрѣля. Начиная отъ западнаго угла церкви, южная стѣна ея на протяженіи 5 сажень, т. е. до праваго клироса, и часть западной фронтовой стѣны отъ сказаннаго угла въ ширину больше 1 сажени со всѣмъ фундаментомъ и находившеюся подъ нимъ песчаною землею, совершенно обрушилась въ рѣку, увлекши за собою и досчатый потолокъ съ поперечными балками на всемъ пространствѣ между обрушившеюся стѣною и продольною со стороны рѣки балкою, поддерживающею всѣ прочія поперечныя потолоковыя балки. Гонтовую крышу надъ сдѣланнымъ проломомъ церковныхъ стѣнъ удерживаютъ еще на мѣстѣ довольно крѣпкія строильныя связи, но и она не можетъ остаться безъ поврежденія въ случаѣ дальнѣйшаго обрушенія стѣнъ по сдѣланнымъ уже трещинамъ. Вслѣдствіе прописаннаго паденія большей части продольной стѣны церкви и образовавшагося въ оной большого отверстія, находившіяся въ ней иконостасъ, кіоты съ образами, шкафы, вся ризница и утварь не могли уже оставаться напередъ (впредь) на томъ же мѣстѣ, и потому они для предохраненія отъ неизбѣжной порчи вынесены изъ церкви и размѣщены по возможности въ монастырскихъ строеніяхъ (затѣмъ перенесены въ новый, городской Борисо-Глѣбскій монастырь, куда въ томъ же году переселены и иноки стараго Коложанскаго монастыря).

Естественно возникаетъ вопросъ: какое впечатлѣніе произвело Гродна.

это печальное событіе, вызвало ли въ комъ скорбь и помышленія объ охранѣ, по крайней мѣрѣ, того, что осталось? Въ дѣлѣ, изъ котораго мы беремъ эти свѣдѣнія, нѣтъ никакого слѣда, что это печальное событіе вызвало скорбь, а помышленія были вызваны, но совсѣмъ иного рода. Въ литовской духовной консисторіи возникъ вопросъ: стоитъ ли жертвовать столь большую сумму (8067 р.) на столь сомнительное дѣло, какъ охрана Борисо-Глѣбскихъ развалинъ отъ дальнѣйшаго разрушенія, и на восстановленіе ихъ, и въ дѣлѣ помѣчено, что возникъ этотъ вопросъ вслѣдствіе словеснаго объясненія митрополита Іосифа съ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ. Но въ этомъ же дѣлѣ есть документъ, съ которымъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ связь и бесѣда митрополита Іосифа съ генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ и опредѣленіе литовской консисторіи. Это—актъ осмотра развалинъ епархіальнымъ архитекторомъ, который указывалъ, что «всякія исправленія» Борисо-Глѣбскихъ развалинъ «напрасны», и предложилъ вмѣсто того слѣдующее:

Если бы предположили вмѣсто старой построить новую церковь возлѣ монастыря на безопасномъ мѣстѣ, то полагая церковь такой же величины и конструкціи, т. е. полагая, если дозволено будетъ для стѣнъ употребить камня и не выводить куполы, то за сумму, какая нужна на укрѣпленіе берега, почти возможно воздвигнуть новый храмъ.

Если бы этотъ проектъ былъ принятъ, то кто знаетъ, не пошли ли бы на новую церковь, ради дешевизны, и камни изъ оставшихся развалинъ древней Борисо-Глѣбской церкви ¹⁾). Но на этотъ разъ явились неожиданная для епархіальнаго архитектора защита развалинъ и протестъ противъ его предпріятій. Монастырь, переселившійся на новое, болѣе удобное мѣсто въ самый городъ, не желалъ не только возвращенія на старое мѣсто, но и постройки тамъ новой церкви. Этотъ взглядъ на вещи со всею ясностію высказалъ въ новомъ донесеніи преосвященный Игнатій отъ 19 ноября 1856 г. Послѣ соображеній, что ассигнованной суммы на укрѣпленіе берега Нѣмана и восстановленіе Борисо-Глѣбской церкви мало, преосвященный говоритъ:

Впрочемъ, какъ о древности упомянутой церкви (Борисо-Глѣбской) свидѣтельствуя уцѣлѣвшія стѣны въ нижней только части, исправленная же верхняя часть оныхъ повыше оконъ, досчатый на

¹⁾ Сейчас увидимъ, что дѣлать такое предположеніе есть весьма вѣское основаніе.

балкахъ потолокъ и гонтовая крыша, нынѣ едва держащаяся надъ обрушившеюся южною стѣною, гораздо позднѣйшей и ничѣмъ не замѣчательной постройки, то по мнѣнію моему зданіе это и не заслуживаетъ уже требующихся большихъ денежныхъ издержекъ на поправленіе важныхъ поврежденій, на прочное укрѣпленіе берега рѣки и обрыва горы, а также на возобновленіе церкви для открытія въ ней богослуженія, которое прекращено въ 1845 г. и нынѣ не предстоитъ надобности открывать оное, особенно послѣ перевода братіи въ нынѣшній Борисо-Глѣбскій, что въ самомъ городѣ, монастырь.

Но это еще очень скромное признаніе неважности Борисо-Глѣбскихъ развалинъ. Давно уже, въ упомянутой бумагѣ тогдашняго епархіальнаго архитектора ¹⁾ проскочило невѣжественнѣйшее выраженіе, которое, однако, пошло въ ходъ и въ 1857 г. вошло въ представленіе митрополита Іосифа въ Св. Синодъ, гдѣ говорилось, что Борисо-Глѣбская церковь «не отличается никакими ни архитектурными, ни артистическими особенностями».

Но когда это писалось, уже поднялось иное дѣло,—дѣло о возстановленіи подобающей чести гродненской древности, и опять, какъ въ сороковыхъ годахъ, русскій царь выступилъ на защиту этой чести. На отчетѣ гродненскаго губернатора за 1855 г. покойный Государь Александръ II написалъ о Борисо-Глѣбскихъ развалинахъ: «Въ какомъ положеніи это дѣло?»—и пошли запросы, справки, смѣты, и результатомъ всего было требованіе въ 1859 г. 7,969 р. на исправленіе церкви и 9,289 р. на укрѣпленіе берега рѣки Нѣмана, т. е. всего 17,258 р. Св. Синодъ назначилъ изъ своихъ суммъ и изъ пожертвованій по завѣщанію купца Сорокина 10,300 р., а остальные предложилъ митрополиту Іосифу собрать черезъ приглашеніе къ пожертвованіямъ ревнителей благочестія. Это было уже въ 1863 г. Литовская консисторія опять представила было Св. Синоду, что возстановить церковь трудно и въ ней нѣтъ нужды, а нужно вызвать цѣнителей древности и предложить имъ сберечь отъ разрушенія эту церковь. Но такое мнѣніе уже не могло имѣть силы. Св. Синодъ предписалъ начинать работы согласно заявленію гродненскаго купца-строителя Сидоровскаго (православнаго), который согласился все сдѣлать за 12 тысячъ, и въ томъ же году, 7 ноября, былъ Высочайше утвержденъ проектъ возобновленія Борисо-Глѣбской церкви, а въ слѣдующемъ году Сидоровскій началъ работы по укрѣпленію берега.

¹⁾ Я потерялъ листокъ, на которомъ была выписана фамилія этого архитектора, который, можетъ быть, высказалъ и не самостоятельную оцѣнку коложанскихъ развалинъ. Сейчасъ узналъ, что его фамилія была Тищенкій.

Что вышло бы изъ этихъ работъ — возстановленіе ли разрушенной древности или окончательная ихъ гибель, неизвѣстно, потому что коложанскія развалины вызвали новое необычайное движеніе на ихъ защиту, обѣщавшее возвратить имъ подобающую честь и славу и кончившееся нынѣшнимъ печальнымъ положеніемъ ихъ. Съ коложанскими развалинами случилось нѣчто подобное тому, что случилось въ 1880—81 году въ Вильнѣ съ Прецистевскимъ соборомъ, т. е. собственно съ его набережной, при знаменитомъ инженерѣ, графѣ Тотлебенѣ. Инженеры брали дѣло широко, смѣло вступали въ борьбу съ самыми законами природы; но упускали изъ виду тогдашнія условія западнорусской жизни, при которыхъ замедлялось и искажалось чуть не всякое тамъ истинно-русское дѣло.

Такъ случилось и съ коложанскими развалинами въ шестидесятихъ годахъ. Поступилъ начальникомъ сѣверо-западнаго края генералъ Кауфманъ, — извѣстный инженеръ и еще болѣе извѣстный продолжатель и ревнитель народныхъ строительныхъ русскихъ дѣлъ въ западной Россіи графа Муравьева. Гродненскій тогдашній губернаторъ, тоже строго-русскій человекъ, И. Н. Скворцовъ, обратилъ его вниманіе на коложанскія развалины. Генералъ Кауфманъ понималъ важное значеніе этого представленія. Двинуть былъ въ Гродну чуть не весь девятый инженерный округъ. Наѣхавшіе инженеры раскритиковали въ пухъ и прахъ работы Сидоровскаго и добрались до сути дѣла, съ которой и теперь прежде всего нужно начинать — показали, что нужно сперва укрѣпить правый берегъ при впаденіи Городничанки въ Нѣманъ; работы Сидоровскаго были остановлены, и пошли разныя соображенія, планы, какъ и что слѣдуетъ дѣлать надлежащимъ образомъ. Но инженеры не сообразили одного, да никакимъ образомъ не могли сообразить, что вскорѣ настанетъ время генерала Потапова. Инженеры разѣхались, время это настало и дѣло по возстановленію коложанскихъ развалинъ оказалось въ такомъ положеніи: купецъ Сидоровскій раззорился; церковно-строительный комитетъ, передавая свои дѣла гражданской власти, заявилъ, что у него не осталось ни гроша. Заговорилъ и Нѣманъ. Точно разсердившись за безсильныя попытки и бесплодныя мечтанія смирить его могучія волны, онъ снесъ все, что было сдѣлано Сидоровскимъ, и привелъ все въ прежнее положеніе, какъ было до времени всякихъ широкихъ мѣропріятій и петербургскихъ и мѣстныхъ инженеровъ.

Но не конецъ и на этомъ печальной исторіи коложанской Борисо-Глѣбской древности. Во времена генерала Потапова снова было

на нихъ обращено вниманіе. Вся прилегающая къ нимъ мѣстность, составляющая духовное имущество, отдана въ аренду христіанину или жиду, не можемъ теперь навѣрное припомнить, кажется, жида,— отдана тѣмъ самымъ, какъ намъ говорили, лицомъ, которое отдало въ такую же аренду и минскій загородный архіерейскій домъ. Коложанскія развалины, конечно, не были отданы въ аренду. Напротивъ, въ нихъ на мѣстѣ алтарномъ выстроена часовня (прискорбнѣйшей архитектуры и прискорбныхъ издержекъ) и все мѣсто, гдѣ послѣдовалъ обвалъ стѣнъ, обнесено заборомъ, а калитка, ведущая въ развалины, заперта замкомъ. Но въ дѣйствительности наши древнѣйшія развалины оказались подъ властію арендатора и степень охраны ихъ отъ него зависитъ. Они составляютъ край его владѣнія, неприступный съ другихъ сторонъ, и даже входъ въ самую середину Борисо-Глѣбской церкви зависитъ отъ его усмотрѣнія, потому что хотя церковь огорожена и калитка ограды заперта замкомъ, который не поврежденъ, но закладка, которую онъ захватываетъ, сломана, и входитъ можно свободно. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ тотъ день, когда я посѣщалъ эти развалины. Плакать нужно русскимъ народнымъ плачемъ надъ историческою судьбой этихъ дорогихъ русскихъ развалинъ, заявлялъ я моимъ гродненскимъ друзьямъ и повторяю это теперь.

И жестокосердіе военныхъ дѣлъ старой благочестивой Москвы, и канцелярскія проволочки новой цивилизованной Россіи, и глубокой западнорусскій грѣхъ небреженія во внѣшней церковности—все соединилось въ этой Бечальной исторіи Коложанской церкви и застигло до нашихъ дней густымъ туманомъ эту русскую святыню. Только выше, надъ этимъ туманомъ видѣются свѣтлые образы двухъ русскихъ царей—Николая I и Александра II. Они только съ своей царственной высоты видѣли своимъ исторически-яснымъ взоромъ и сквозь этотъ туманъ драгоцѣнность русской древности и заботились объ ней. И теперь они могущественно будятъ въ русской душѣ упованіе и заставляютъ обращать его къ будущему возстановителю этихъ дорогихъ развалинъ.

Начинаетъ уже рассеиваться русский общественный туманъ, застилавшій коложанскія развалины. Въ Гроднѣ образовалось Борисо-Глѣбское братство, которое собрало тамъ лучшія православныя силы и направляетъ ихъ и на просвѣтительную православную дѣятельность въ гродненской губерніи и на церковное благолѣпіе. Обращаетъ оно уже свое вниманіе и на коложанскія развалины. Появились въ Гроднѣ и случайныя, повидимому, но весьма благопріят-

Содержаніе

ныя условія, при которыхъ уже невозможно пренебреженіе къ этой древности. Случилось такъ, что въ Гроднѣ теперь не мало псковичей. И архіерей псковичъ, и соборный протоіерей—западнорусскій старожилъ—псковичъ, и въ учебномъ вѣдомствѣ нѣсколько псковичей. Всѣ они серьезно относятся къ коложанской мѣстности и окрестному ея населенію, въ которомъ ищутъ потомковъ тѣхъ своихъ родичей-предковъ, которые слишкомъ четыре вѣка съ половиной тому назадъ были выведены изъ псковской области, поселены здѣсь и, конечно, были, какъ мы уже замѣтили, главнѣйшими охранителями Борисо-Глѣбской церкви, получившей отъ нихъ, какъ и вся та мѣстность, названіе—Коложи.

Въ подтвержденіе этимъ благопріятнымъ для Коложи условіямъ, и Москва какъ бы пожелала выставить здѣсь своего представителя—нынѣшняго гродненскаго губернатора, который, по прежней своей службѣ въ Москвѣ, близко знакомъ съ духовными дѣлами, близко стоялъ къ дѣлу по обновленію московскаго Успенскаго собора и несомнѣнно занялъ вопросомъ о возстановленіи гродненскихъ Борисо-Глѣбскихъ развалинъ. Я видѣлъ въ его кабинетѣ на стѣнѣ карту города Гродны 1568 г., на которой показаны многочисленныя тогда въ Гроднѣ православныя церкви и въ числѣ ихъ Борисо-Глѣбская, и не мало бесѣдовалъ объ этомъ, занимавшемъ насъ обоихъ, важномъ русскомъ дѣлѣ.

Но наши русскіе грѣхи передъ этою святою древностію такъ велики, что для полнаго искупленія ихъ не довольно однѣхъ мѣстныхъ силъ, хотя бы и весьма ревностныхъ, и одного выразителя московскихъ пожеланій, хотя бы то и значительно властнаго. Для этого нужно болѣе многолюдное и болѣе дружное участіе, а для этого въ свою очередь нуженъ болѣе сильный и дальне раздающийся призывъ, разрѣшенный еще въ 1863 г. Двиньтесь на это святое дѣло вообще русскіе люди западной Россіи и впереди ихъ—москвичи, расселившіеся и болѣе и болѣе расселяющіеся и первенствующіе теперь въ этой странѣ! Двинься опять и сама нынѣшняя Москва, вѣрная выразительница лучшихъ русскихъ объединительныхъ стремленій, стяжавшая уже столько чести и славы и въ западной Россіи во времена послѣдней польской смуты! Двинься, и съ свойственною тебѣ широтою народнаго взмаха покрой своей щедростію и военное жестокосердіе старыхъ московскихъ временъ и губительныя послѣдствія канцелярскихъ проволокъ новой Россіи и западно-русскій грѣхъ небреженія о дорогой Борисо-Глѣбской святынѣ! Пусть отъ твоей щедрости совѣзмъ разсѣется

туманъ, застилающій эту святыню въ русскомъ общественномъ сознаніи. Пусть она и въ этомъ сознаніи будетъ также ясна своею древнею цѣнностію и красотою, какою была въ глазахъ недавнихъ двухъ русскихъ царей и, безъ сомнѣнія, ясна и теперь на царственной высотѣ. Пусть и старый, исторически-сѣдой Кіевъ, готовящійся вскорѣ торжествовать девятисотлѣтіе своей христіанской православной жизни, просвѣтлѣетъ и отъ той радости, что его богатая наслѣдница — Москва прилагаетъ заботливыя старанія воздвигнуть изъ пагубнаго уничтоженія его раннее, дорогое дѣтище — гродненскую Борисо-Глѣбскую святыню!

Отъ Борисо-Глѣбскихъ развалинъ и тяжелыхъ думъ, вызываемыхъ ими, я повернулся къ городу Гроднѣ, котораго большая часть хорошо видна съ коложанскаго обрыва, сталъ разсматривать его и, указывая на самый большой храмъ съ зеленымъ куполомъ, спросилъ моего спутника — стараго моего гродненскаго пріятеля, который завернулъ ко мнѣ въ гостинницу еще до моего перваго выѣзда въ городъ и сопровождалъ меня на Коложу: «это ваша соборная церковь?» — «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ. «Это латинскій приходскій костелъ, бывший іезуитскій костелъ». — «Да, онъ совсѣмъ какъ православный храмъ!» сказалъ я. — «Это такъ», отвѣчали мнѣ, «совсѣмъ, какъ православный храмъ, и на востокъ построены». — «А гдѣ же ваша соборная церковь?» — «Немного ближе сюда; тоже зеленый куполь, но и онъ и вся церковь ниже, меньше. Это тоже изъ латинскаго костела, который также выстроены на востокъ». — «Понимаю», замѣтилъ я. «Тутъ и при всемъ шумѣ польской жизни было сильно православіе даже подъ наружной оболочкой униі, а главное, латиняне отсюда двигались на завоеваніе такихъ сильныхъ православныхъ пунктовъ, какъ Супрасль, Жировицы, съ многочисленными между ними и по сторонамъ ихъ меньшими пунетами — древнихъ церквей, чудотворныхъ иконъ, и нашли нужнымъ посредствомъ обмана оттягивать къ себѣ народъ, часто направлявшійся въ Гродну къ королевскому дворцу по своимъ гражданскимъ дѣламъ».

Я сталъ изучать городъ Гродну и гродненскую жизнь, насколько мнѣ позволяло время, съ той же главной стороны, съ какой изучалъ и другія западнорусскія мѣстности, т. е. съ русской, православной стороны.

Гродненскій Софійскій соборъ, выходящій на главную, тоже Соборную улицу, довольно большихъ размѣровъ и внутри въ немъ не мало благолѣпія, хотя замѣтенъ недостатокъ того особеннаго

благотѣпія храмовъ внутренней Россіи, которое показываетъ давнее, личное, благочестивое усердіе прихожанъ. Но еще болѣе бросается въ глаза, что хотя храмъ стоитъ на востокъ, но на главную улицу выходитъ его алтарная часть, и чтобы войти въ него, нужно или объѣзжать его церковную ограду или проходить черезъ нее и заворачивать ко входу въ церковь. Между тѣмъ противъ него, черезъ площадь находится городской садикъ съ фонтаномъ и за нимъ сейчасъ, за прѣздомъ, вышеупомянутый латинскій костель, бывший іезуитскій. Гродненскому православію приходится иногда даже торжественно свидѣтельствовать, что изъ двухъ костеловъ, изъ которыхъ оно могло взять лучшей даже съ большимъ правомъ, за латинянами остался этотъ именно лучший храмъ и къ нему приходится ходить крестнымъ ходомъ и совершать передъ нимъ въ садикѣ служеніе, напримѣръ, 1 августа для водосвятія, какъ это я самъ видѣлъ.

Меня очень заинтересовалъ этотъ лучший костель, которому по всѣмъ правамъ іезуитскихъ прегрѣшеній слѣдовало быть теперь православнымъ храмомъ. Однажды утромъ я направился къ нему. Передъ входомъ его желѣзная ограда, концами упирающаяся въ примыкающія къ нему два боковыхъ зданія бывшей іезуитской коллегіи, а теперь лѣвая половина этихъ зданій—тюрьма, а правая—помѣщеніе для православнаго соборнаго духовенства. Въ костель нужно подниматься по довольно большой каменной лѣстницѣ, которая придаетъ ему съ городской площади, особенно издали, еще болѣе величественный видъ. На лѣстницѣ, когда я входилъ, живописно размѣстились нищіе и пѣли пѣсни. Я замедлил шаги и сталъ вслушиваться, не поютъ ли они чего-либо стараго, западно-русскаго (бываетъ это и у костеловъ), но напрасно вслушивался, — нищіе пѣли обыкновенныя польскія религиозныя пѣсни. Когда я вошелъ въ костель, меня поразили его громадность и великолѣпіе. Длина едва ли меньше, чѣмъ въ петербургскомъ Невскомъ соборѣ; ширина развѣ немного уже. Куполь и своды поддерживаются двумя рядами колоннъ, какъ и въ Невскомъ соборѣ, но колоннъ гораздо больше и у каждой изъ нихъ боковые, латинскіе престолы. Колоннада эта даетъ прекрасную, величественную перспективу. Архитектура, лѣпныя работы въ этомъ костелѣ—прекрасны.

Я пріѣхалъ раньше обѣдни и костель былъ почти пустъ. По правой сторонѣ въ конфессіоналѣ (исповѣдальнѣ) сидѣлъ и исповѣдывалъ всендзъ, а передъ нимъ у первой правой колонны стояла женщина на колѣняхъ съ простертыми въ стороны и немного при-

поднятыми вверхъ руками. Она, очевидно, только что исповѣдывалась, и ксендзъ, должно быть, поставилъ ее передъ собою исполнять назначенную имъ эпитимію. На лѣвой сторонѣ, тоже у первой колонны, находилась другая кающаяся, но нѣсколько въ иномъ положеніи: на колѣняхъ, съ головой, преклоненной къ полу, и съ распростертыми, но упирающимися въ полъ руками. Это было, очевидно, упрощенный способъ лежать на землѣ крестомъ. Модный костюмъ, должно быть, мѣшалъ лечь крестомъ, какъ слѣдовало, какъ обыкновенно ложатся въ латинскихъ костелахъ. По серединѣ костела, на скамьяхъ сидѣло больше десятка женщинъ, — всѣ въ черныхъ платьяхъ и судя по тому, что онѣ поглядывали въ сторону ксендза, нужно думать, что и эти женщины собирались исповѣдываться.

Мнѣ очень хотѣлось походить по костелу, разсмотрѣть его красоту и, между прочимъ, взглянуть на исповѣдальню, не увижу ли съвозъ рѣшетку ксендза и не замѣчу ли какихъ онъ лѣтъ? Но все это могло бы показаться теперь неприличнымъ и даже легко могло обозлить находившихся тутъ богомолковъ. У нихъ, когда онѣ оглядывались въ сторону ксендза, да и на меня тоже, ясно видны были сильно раскраснѣвшіяся лица, страшно возбужденныя глаза, и онѣ, очевидно, разглядѣли, что я чужой, не ихній. Я подумалъ, что сразу перенесенъ въ мрачныя вѣка латинства XI—XII вѣка, и вышелъ изъ костела. Оказалось, что и нищія разглядѣли во мнѣ чужого, — сразу прекратили пѣніе, смотрѣли на меня подозрительно, и ни одинъ не попросилъ милостыни. Ухъ, какая тутъ мрачная сила извращеннаго латинства!

«Отчего не взяли этого костела?» сталъ я спрашивать моихъ гродненскихъ друзей. Мнѣ сказали, что выборъ изъ двухъ костеловъ зависѣлъ отъ викарнаго епископа Игнатія Желѣзовскаго и что когда ему предлагали взять этотъ костель, то онъ будто бы сказалъ съ обычнымъ своимъ смиреніемъ: «гдѣ намъ малому православному стаду занимать и поддерживать такой громадный храмъ». Не доглядѣлъ старый знатокъ Гродны графъ Муравьевъ въ послѣднюю польскую смуту, когда и этотъ костель былъ ареною политическихъ демонстрацій!

Изъ бывшаго іезуитскаго костела, которому по всѣмъ правамъ слѣдовало быть православнымъ соборнымъ храмомъ г. Гродны, я направился къ православнымъ гродненскимъ монастырямъ — мужскому и женскому. Насилу добрался до мужского монастыря, такъ онъ кругомъ застроенъ домами — и своими, и чужими. Это тоже

бывшій латинскій монастырь бернардинокъ. Онъ внутри довольно благоустроенъ; но я не могъ, надлежащимъ образомъ, рассмотретьъ предметы, особенно меня занимавшіе, — тѣ, которые перенесены изъ стараго Коложанскаго монастыря, — не могъ потому, что пришелъ передъ самой обѣдней, — уже совершалась проскомидія и читались часы, а время мое все было распредѣлено. Я направился затѣмъ въ женскій монастырь и добрался до него еще съ большимъ недоумѣніемъ. Завезли меня въ какой-то совершенно глухой переулокъ. И этотъ монастырь тоже страшно стѣсненъ окружающими его жидовскими строениями. Но внутри монастыря, въ церкви свѣтло, чисто, уютно. Я и сюда попалъ неудачно. Обѣдня только что кончилась, тушили свѣчи. Но былъ еще батюшка, и двѣ или три инокини. Но мнѣ отнеслись весьма радушно, а когда пришлось назвать свое имя, то батюшка (великоруссъ родомъ) принялъ меня какъ родного. Оказалось, что онъ хотя не лично, но хорошо зналъ меня и по сочиненіямъ и отъ своего брата, бывшаго студента нашей академіи. Инокинямъ, разумѣется, мое имя ничего не говорило, но и онѣ были весьма любезны; все мнѣ показывали и объясняли, обратили мое вниманіе и на одну новую, но по какому-то особенному случаю весьма чтимую икону. И эти инокини были изъ внутренней Россіи. Тутъ, въ нихъ бросилась мнѣ въ глаза одна черта, которая не разъ бросалась въ виленскомъ женскомъ монастырѣ и надъ которою я не разъ задумывался. Это необычайная, спокойная и добрая иноческая выдержанность. Таеъ и думалось: это люди изъ той страны, гдѣ монашество многіе вѣка непрерывно развивалось и укрѣплялось, не зная страстной борьбы за свое существованіе, не то что въ западной Россіи, которая, можно сказать, взрыта этой борьбой и въ физической и нравственной своей природѣ. Такая черта восточно-русскаго иночества — весьма важное и поучительное для западной Россіи явленіе, и съ этой точки зрѣнія весьма полезно, чтобы въ западно-русскихъ монастыряхъ, мужскихъ и женскихъ, были монашествующія лица изъ внутренней Россіи, конечно, хорошія, а не такія, которыхъ не знаютъ, какъ воротить назадъ. Но я всѣми силами встаю противъ того сепаратистическаго взгляда, который чуть не по всей Россіи проповѣдывалъ мой давнишній знакомый, нынѣ уже покойный Спичаковъ, именно, что нужно показать западной Россіи настоящее русское монашество и держать его тамъ безъ примѣси отъ мѣстныхъ людей. Когда я однажды услышалъ тотъ же взглядъ въ виленскомъ женскомъ монастырѣ, то со всею безцеремонностію сказалъ:

это значить строить величественное зданіе на пескѣ, а если хотите, чтобы этого не было, то принимайте и терпѣливо, любовно воспитывайте въ иночествѣ моихъ землячекъ (земляки и сами придутъ въ свои монастыри, когда кого позоветъ призваніе).

Выбираясь тоже съ трудомъ изъ гродненскаго женскаго монастыря подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ жидовскаго утѣшенія и у тамошняго мужскаго монастыря, я опять подумалъ: проглядѣлъ старый знатокъ Гродны графъ Муравьевъ и не очистилъ здѣсь отъ прискорбнаго стѣсненія православныхъ храмовъ, какъ это онъ сдѣлалъ у трехъ виленскихъ церквей къ великой славѣ тамошняго православія и къ вѣчной памяти объ немъ самомъ!

Въ Гроднѣ есть единственная церковь (военная), красующаяся на приличномъ просторѣ и въ чистыхъ русскихъ формахъ. Эта небольшая церковь за Городничанкой, на площади, гдѣ кругомъ расположены присутственныя мѣста и дома двухъ главныхъ правительственныхъ лицъ Гродны.

Я откровенно высказывалъ этимъ лицамъ, какой дивный символъ имѣеть для нихъ эта церковь, кромѣ своего обычнаго значенія. На одномъ концѣ площади—архіерейскій домъ, на другомъ противъ—губернаторскій, а по срединѣ, ближе къ губернатору, эта церковь, какъ бы самымъ своимъ положеніемъ между ними призывающая эти власти къ единодушію въ дѣлѣ русскаго, православнаго строенія страны, и тѣмъ благотворѣе этотъ призывъ въ настоящее время, что теперь подлѣ этихъ властныхъ лицъ идетъ большая работа по этому же дѣлу.

Однажды я зашелъ къ моему земляку, священнику гродненскаго собора и, выходя отъ него, обратилъ вниманіе въ его прихожей на шкафчикъ, похожій на витрину, съ многочисленными перегородками, на которыхъ размѣщены были новыя, малой толщины и малаго размѣра книжки. — «Что это у васъ за библіотека?» спросилъ я моего земляка. — «Это народныя, религіозно-нравственныя книжки, которыя я продаю крестьянамъ, когда они заходятъ ко мнѣ». — «И раскупаютъ?» — «Сначала дѣло шло очень туго, и я вамъ прямо признаюсь, что сначала я прибѣгалъ даже къ понужденіямъ. Не хочеть, бывало, покупать крестьянинъ, особенно неграмотный. Но я его не отпускаю и понужаю: купи! Не умѣешь самъ читать, найди знающаго и послушай, что тебѣ прочитають. Смотри, книжка стоитъ копѣйки, которыя ты, вѣроятно, здѣсь же, въ городѣ, истратишь у жида на рюмку водки или на что другое, тоже бездѣль-

ное. Такъ, по немножку, дѣло пошло, а теперь уже хорошо идетъ. Продаю *семнадцатую тысячу* народныхъ книжекъ».

Видѣлъ я тамъ же другого пастыря, котораго давно зналъ и, казалось, близко зналъ. Это бывший студентъ нашей академіи и я съ нимъ и потомъ не разъ видѣлся въ западной Россіи и не разъ сносился. Но никогда я не видѣлъ такъ ясно сокровищъ души этого доблестнаго пастыря, какъ теперь, когда былъ въ Гроднѣ и, можно сказать, не разставался съ нимъ во все время моего пребыванія тамъ. Онъ не такъ давно сраженъ великимъ семейнымъ несчастіемъ; знаю, что есть въ его жизни и другія большія и тяжелыя трудности; видно ясно и по лицу, что тягости жизни и дѣла пастырства сильно изнурили его небогатыя физическія силы; но какая въ немъ великая вѣра въ человѣка и въ силу добра! Въ Петербургѣ я знаю лишь нѣсколько (есть, безъ сомнѣнія, больше) пастырей съ такою же вѣрою въ человѣка и въ силу добра, и позволяю себѣ сказать здѣсь объ одномъ изъ нихъ, потому что это касается западной Россіи. Однажды, встрѣтившись со мною на улицѣ, онъ еще издали замахалъ руками и заговорилъ: «знаю, знаю, что не любите жидовъ и не вѣрите въ ихъ обращеніе въ христіанство! И меня они часто обманываютъ; но я, всетаки, вѣрю, что и въ самомъ дурномъ изъ нихъ есть добро, и продолжаю крестить ихъ». Кажется, что и послѣ этихъ словъ я не много лучше сталъ думать о жидакъ и не много больше вѣрить въ ихъ обращеніе въ христіанство (исключая отдѣльныхъ случаев), но передъ силою христіанской вѣры этого пастыря въ человѣка и добро, конечно, остановился съ глубокимъ уваженіемъ.

Съ такимъ же глубокимъ уваженіемъ я останавливался и передъ величіемъ такой вѣры гродненскаго пастыря и прямо заявляю, что я, человѣкъ гораздо старше его лѣтами и бывший его профессоръ, учился у него въ Гроднѣ этой его великой вѣрѣ въ человѣка и въ добро.

Во всей ясности стоитъ передо мною и теперь одна картина изъ его пастырства. Я былъ въ соборной церкви. Шло архіерейское богослуженіе, и этотъ пастырь вышелъ говорить проповѣдь. Масса народа двинулась поближе къ проповѣднику, и прежде всѣхъ двинулись тѣ, къ которымъ по всей справедливости можно приложить слова блаженствъ: блаженни нищіе духомъ,—и какъ они слушали своего любимаго пастыря! Особенно выдѣлялись городскіе ремесленники и рабочіе. Такъ и видѣлось, что они въ простыхъ словахъ своего пастыря уповали найти и нашли отраженіе величайшихъ

словъ Спасителя, прежде всего покорившихъ христіанству міръ: прїидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и азъ упокою вы! И кто въ Гроднѣ не знаетъ, какъ много дѣлаетъ добра этотъ пастырь этимъ всѣмъ, обремененнымъ тягостями жизни! Передъ всѣми тамъ я прямо свидѣтельствовалъ, что пораженъ этою великою вѣрою гродненскаго пастыря въ человѣка и въ добро, почему позволяю себѣ оглашать и здѣсь мое впечатлѣніе. Да это и нужно въ настоящія времена. Въ нынѣшній вѣкъ желѣза и огня или исканія многими изъ насъ религіозной истины по закоулкамъ западно-европейской цивилизаціи такая вѣра въ русскомъ православномъ пастырѣ у самаго берега этой цивилизаціи—поучительное для всѣхъ насъ явленіе.

Въ той же гродненской соборной церкви и на томъ же архіерейскомъ служеніи меня поразило и другое явленіе, какого я не видывалъ въ другихъ мѣстахъ. И между архіерейскими пѣвчими и въ числѣ прислуживавшихъ при архіерейскомъ богослуженіи, были гимназисты, и по тому, какъ они держали себя, видно было, что это для нихъ не новость, а привычное дѣло.—«У васъ часто такъ бываетъ?» спрашивалъ я у моихъ гродненскихъ друзей.—«Всегда бываетъ, когда ученики свободны, и никто ихъ къ этому не понуждаетъ, сами идутъ. Вотъ и теперь,—вѣдь каникулы; они на свободѣ, а собрались и прислуживаютъ».

Мнѣ стало понятно это замѣчательное для той страны явленіе, когда я поближе узналъ русскихъ гродненскихъ людей. Тамъ и въ городскомъ обществѣ и особенно въ учебной средѣ, въ которой законоучительствуетъ и тотъ пастырь, есть не мало такъ называемыхъ славянофиловъ, которые, какъ извѣстно, не признаютъ западначескаго разъединенія между вѣрою и знаніемъ, между церковію и жизнью. Извѣстно и изъ газетъ, какъ тамъ чтили и чтятъ имя П. С. Аксакова и при его жизни и послѣ его смерти, и я убѣдился въ совершенной справедливости этихъ печатныхъ извѣстій, когда однажды провелъ вечеръ въ небольшой группѣ изъ числа этихъ читателей П. С. Аксакова. Едва ли можно сомнѣваться что со всѣмъ этимъ имѣетъ связь и вышеуказанное явленіе, хотя, конечно, могло оно сложиться и отъ другихъ добрыхъ вліаній, можетъ быть, даже во времена Игнатія Желѣзовскаго, котораго благочестіе сильно на всѣхъ вліяло и который всегда обращалъ самое заботливое вниманіе на религіозное развитіе юношества.

Съ этой картиной я сопоставлю другую гродненскую картину и

для этого забѣгу немного впередъ. Я выѣзжалъ изъ Гродны. Былъ у жидовъ праздничный день. Вся большая тамъ платформа на вокзалѣ желѣзной дороги была переполнена молодыми жидовками, очевидно, ознакомившимися съ образованіемъ, цивилизаціей, и около нихъ увивались молодые люди, не всё жида¹⁾. Скандальнѣ, требовавшихъ полиціи, не было, но скандальный смыслъ поведенія былъ ясенъ. При этой картинѣ, которую я видѣлъ еще яснѣе, когда пробовалъ заходить въ городской садъ, мнѣ невольно подумалось: вотъ, собрать бы сюда всёхъ защитниковъ нынѣшней постановки у насъ образованія жидовъ; пусть бы полюбовались на эту картину и сказали по совѣсти: вѣрять они или нѣтъ въ пользу этого образованія? Вспомнился мнѣ при этомъ афоризмъ, не разъ слышанный мною въ западной Россіи: менѣе образованный жидъ—меньшее зло; болѣе образованный жидъ—большее зло. Я скажу иное. Нигдѣ такъ не видно ясно совершенное безсиліе такъ называемаго западничества создать что-либо дѣльное въ русскомъ смыслѣ, какъ на западной нашей окраинѣ, а тѣмъ болѣе въ такомъ чувствительномъ дѣлѣ, какъ образованіе. Въ результатѣ тутъ выходитъ не образованіе, не просвѣщеніе, а развращеніе и чужихъ и, что всего хуже, своихъ.

Въ Гроднѣ, какъ и въ Вильнѣ, я бывалъ часто какъ бы совсѣмъ въ нашей академической средѣ. Тутъ тоже, хотя и меньшая, чѣмъ въ Вильнѣ, группа нашихъ бывшихъ студентовъ, которые всё сердечно относятся къ своей *alma mater*. Мы не разъ собирались у радушнаго мѣстнаго преосвященнаго Анастасія, тоже бывшаго студента нашей академіи и проводили цѣлые часы въ душевной бесѣдѣ и дорогихъ всёмъ намъ воспоминаніяхъ. Наше общество еще увеличилось и оживилось съ пріѣздомъ въ Гродну на короткое время ковенскаго преосвященнаго Смарагда, тоже нашего бывшаго студента, тоже всегдашняго сердечнаго почитателя ея и, какъ теперь уже всёмъ извѣстно, западно-русскаго исповѣдника. Тутъ въ архіерейской церкви мы всё совершали и печальное поминаніе нашего общаго профессора и достойнѣйшаго человѣка Кирилла Ивановича Лучицкаго, какъ только получили извѣстіе о его смерти, и панихиду пѣлъ весь архіерейскій хоръ пѣвчихъ замѣчательно стройно

¹⁾ Я, какъ родившійся въ западной Россіи, имѣю даже теперь способность узнавать жида, какъ бы онъ ни преобразовывалъ себя, и рѣдко ошибаюсь.

подъ управленіемъ мѣстнаго регента, вышедшаго изъ народа. Кто изъ насъ могъ тогда думать, что такъ скоро придется творить печальное поминаніе объ одномъ изъ насъ, поминаніе объ этомъ самомъ западно-русскомъ исповѣдникѣ, пресвященномъ Смарагдѣ!

М. Нояловичъ.

Изъ № 8, 10 и 11 „Цер. Вѣстн.“ 1887 г.

Типографія Департамента Удѣловъ. Моховая, 36.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637

1981

1981

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILLINOIS 60637